

Литературный конкурс «Белой вороны» проводится с 2020 года. Каждый год мы предлагаем авторам, пишущим для детей, новую тему, а затем из нескольких сотен присланных рукописей отбираем лучшие. Мы верим, что литературный конкурс позволит начинающим авторам, чьи произведения отвечают нашим представлениям о детской литературе, найти своего читателя.

Людмила Потапчук

ПРОХОДИТЕ,
РАЗДЕВАЙТЕСЬ

Иллюстрации
Виктории Поповой

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
П64

Потапчук, Л.
Проходите, раздевайтесь / Людмила Потапчук, – М. : Albus Corvus,
2023. – 144 с.

ISBN 978-5-00114-322-2

© Людмила Потапчук, 2021
© Виктория Попова, иллюстрации, 2022
© ООО «Издательство Альбус корвус», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Руслана. Калинка, бассейн и фломики	7
Иван. Хохлома, учеба и красота.....	14
Дарья. Смехотунчики, овцебык и Поэтус	20
Егор. Претензии, бабушка и тощкота.....	26
Руслана. Папхен, фантазии и кукла.....	33
Иван. Пессимизм, усики и халаты	41
Дарья. Тетка, девочка и сюр.....	51
Егор. Фанфик, двери и бабка.....	60
Руслана. Мама, окно и загадка.....	68
Иван. Дети, бабушка и маленький старик.....	76
Дарья. Волчонок, конфеты и полиция	83
Егор. Кобыла, курица и бардак	89
Руслана. Родители, швабра и кто кому нравится	97
Иван. Полиция, легенды и шипение.....	108
Дарья. Дитяtko, прыжки и зубы.....	115
Егор. Битва, щеренга и колыбельная песня.....	124
Не приходи к нам	134

Калинка, бассейн и фломики

А я не хочу ходить в этот факинг бассейн.

А он мне вообще не сдался.

Я просто не физкультурная. Я и в школе физру не люблю. Мне на ней скучно и плохо. Либо вопят все, бегают, воняют, как в зоопарке, толкаются — ради какого-то пыльного мячика. Почему я должна орать и толкаться ради мячика? Я что, обезьяна? Либо упражнения какие-то дебильные. Лежи на спине, ноги вверх, ноги вниз. Лезь на канат, как будто ты опять обезьяна. Зачем?

Вот потому, что я физру не люблю, меня и отправили в бассейн. Физручка, козлиха, отловила матушку и давай втирать: девочке нужно, ах, девочка то, девочка это. Точнее — ни то у вас девочка и ни это, а дохлый матрас какой-то. Отведите в бассейн, что ли, может, потонет.

Ну, так она, конечно, не говорила.

А в бассейне я вообще не могу.

Я просто не могу, когда орут, вот правда. Я половины слов не понимаю, если орут. А там все тренеры такие горластые. А наша Дельфиниха — у нее как будто горло из железа. Она даже если рядом с тобой стоит, так орет, как будто ты глухая. Даже здороваается так, что в ушах больно.

Иногда, правда, не здороваается. Смотрит на тебя как на собачью какашку, и все. Я так один раз ее довела. Иду мимо,

говорю — здравствуйте. Она молчит. Я ей: здравствуйте. Она молчит и смотрит, и губой дергает, как если бы я воняла, а я из душа. Я ей: здравствуйте. И поклонилась еще, чуть не в пояс. Она как заорет: тебе, Калинка, особое приглашение нужно, что ли, давай уже, пошла.

А поздороваться не судьба. Нечего со всякими какашками здороваться.

Я же от этого бассейна один раз чуть не избавилась. Только-только вся эта фигня началась, мне десять лет было. И вот утро, через час выходить, ехать в эту хлоркой воняющую пыточную, а матушка в магазин вышла, а я дома. И я стала играть. Сама с собой, я это тогда любила, чтобы только твои правила и играешь во что хочешь. Я в тот раз играла в инопланетян. Как будто я с другой планеты, прилетела на Землю, хожу, со всеми знакоплюсь. И я себе на лоб налепила крышек от фломастеров. Если снять с фломастера крышку, высосать из нее воздух, а потом быстро, пока он обратно не вошел, прилепить ее ко лбу, то она сама держится. На щеке почему-то не держится, на носу тоже нет, а на лбу — как приклеенная. Короче, обалденная из меня получилась инопланетянка, как настоящая. Я взяла у мамы зеркало и смотрела в него, и сама с собой разговаривала.

Потом слышу — замок щелкает. Я крышки со лба сняла, фломики в них засунула обратно, зеркало на место, раз быстренько за стол, типа за домашку. И тут матушка. Пора, говорит, собирайся. Ахбожечки ж вы мои, что, говорит, это у тебя на лбу? Ты что, на лбу рисовала?

Ну мне что — признаваться? Что я, десятилетняя кобылушка, взрослая девочка, только что была с крышечками

от фломастеров на лбу? Не знаю, говорю, а что у меня на лбу, вроде ничего не было.

Матушка ахает, охает, тащит меня к зеркалу, а у меня весь лоб, конечно, в розовых кружочках.

Ой, говорю, надо же.

Матушка забежала. Чешется, говорит? Болит? Температуру заставила мерить. Потом куда-то звонила. Потом говорит: в бассейн тебе, само собой, нельзя, я тебя к врачу записала, к платному, конечно, воскресенье же, ну да что делать, у тебя же явно кожная болезнь.

Я так обрадовалась, что не в бассейн!

А потом слышу — матушка звонит Ковалихиной мамаше.

Ковалиха — это моя одноклассница, соседка по дому, и еще мы в один детсад ходили, и еще нас наши матери в одном роддоме рожали, и даже лежали там, в роддоме, по соседству, потому что родили нас в соседние дни. Меня двадцать третьего, Ковалиху двадцать четвертого.

Ковалиха, в отличие от меня, очень физкультурная. Нам обоим на семилетие по велосипеду подарили. И я, помню, смотрела на этот велосипед и очень старалась улыбаться, чтобы родителей не расстроить. На фига вот мне этот велосипед! Лучше бы карандашей купили! Деньги только потратили, а их, папхен говорит, и так вечно нет. А Ковалиха была счастлива. Она на нем потом рассекала, как гонщик, и дополнительные колесики почти сразу сняла, и каталась на двухколесном. А я так и ездила с колесиками по бокам, и мне было скучно ездить. А наши мамы и папы так надеялись, что мы с ней будем вместе кататься.

Ага. Щас.

Ну вот в бассейн нас с Ковалихой тоже в один и тот же отдали. И Ковалиха, конечно, сразу поплыла как рыба. А я, а я, а я.

Ну вот, и звонит матушка Ковалихиной мамаше, и говорит – в бассейн не поедем, у моей что-то на коже, какая-то болезнь, наверняка заразная, так что мы сейчас к врачу, а вы уж там предупредите, что моей не будет.

И я думаю – вот задница.

Ковалиха же на весь класс раздудит, что у меня кожная зараза. И что меня тогда ждет?

Я к матушке подошла, подергала. Матушка телефон выключила, смотрит. А у тебя, говорит, и нет уже ничего на лбу, надо же. Но мы все равно к врачу съездим, ведь откуда-то же эта сыпь взялась, может, опять появится. Собирайся.

Я уже собралась, а потом мне чего-то стало страшно ехать к врачу. Ведь будут же делать всякие мерзкие штуки, совать в меня железячки, наверняка колоть иголками. И за каждую мерзкую штуку с матушки возьмут денег, а у нас и так их вечно нет.

Я тогда пошла к матушке и все рассказала. Про крышки от фломастеров.

Матушка чуть на пол не села. Ты и даешь, говорит. Даже не ругалась.

Но в бассейн мы в тот раз не поехали, и это было здорово.

Я потом много раз думала – а может, надо было поехать в эту клинику? Пусть бы искали у меня болезнь. Может, и нашли бы. Папхен говорит, если врачи захотят у кого-то найти болезнь, они найдут, особенно если клиника платная.

И, может, не было бы тогда этого гребаного бассейна.

Но он есть, и мы сидим тут с папхеном в гребаной поликлинике в очереди к гребаному врачу, чтобы он нам дал гребаную справку. На полгода. Потому что у меня нет, к сожалению, кожных болезней, а штука с крышками от фломастеров второй раз не прокатит.

Главное, Ковалиха все равно по всему классу раздудела. Только не про заразу, которой у меня не было, а про то, что я играла в инопланетянку. Матушка же ее мамаше еще раз позвонила, успокоить, что милая Русланочка не больна. Как будто они не плевать на милую Русланочку хотели. И да, и весь класс потешался, что Калинка ходит по дому с фломастерами на лбу. «А почему не с карандашами? А почему не с ботинками?» Даже забыли свое любимое «Руслана, Руслана, где твой Людмил». И еще одно свое любимое: «Калинка, калинка, калинка моя! В саду ягода...» – ну и так далее.

Калинка. Я – Калинка.

Ковалиха – Ковалева, Катя – Петрова, Дарья – Огурцова. Все как люди. А я – Калинка.

И поди еще проговорись родителям, что тебе это вообще не в кайф.

А я один раз при них все-таки лягнула – как жить вообще с фамилией Калинка. Матушка охнула. А папхен заржал как ненормальный и потом говорит: «Разве можно жить с фамилией Фердыщенко?»

Я вообще не секу, кто этот Фердыщенко. Я без понятия, можно ли жить с его фамилией, и мне по барабану. Но почему-то уверена, что нормально он с ней живет.

Потом, уже перед сном, я вдруг задумалась — а папхен ведь тоже Калинка!

Главное, матушка — Орлова, а папхен — Калинка. Почему я тогда не Орлова?

И каково папхену быть Калинкой?

А потом думаю — а никакovo. Если ты препод в вузе, всем пофиг, что ты Калинка. Хоть Дерьмович, пофиг. Ты препод, и ты взрослый. Кто на тебя пальцем покажет?

А я никогда не стану преподам в вузе. Потому что сразу после девятого пойду работать. Меня учиться никто после девятого не заманит, ни калачом, ни чем там еще заманивают. Я буду работать и деньги зарабатывать. В каком-нибудь сетевом кафе. Там еще бывают объявления, что можно начать с простого... с простого кого-нибудь, а потом пойти по карьерной лестнице. Вот я и пойду по карьерной лестнице. И никогда ни у кого не буду просить денег.

Родителям об этом, конечно, сейчас не скажешь. Да и потом — страшно. Они только и говорят — а вот если тебя сюда учиться, а вот если тебя туда учиться. И, конечно, не в нашем крошечном городишечке, а чтобы каждый день ездить на электричке в супер-пупер-мегаполис. Как отец ездит в свой вуз. А я просто хочу, чтобы у меня были свои деньги, чтобы их всегда хватало. Не потому что я такая жадная, а чтобы не просить ни у кого. На каждую фитюльку.

А пока — а пока надо нормально сдать ОГЭ, чтобы отстали.

И получить эту справку, чтобы отстали.

И отходить еще чуть не полгода в этот долбаный бассейн, чтобы отстали.

И отсидеть в этой очереди.

Блин, и ведь пришли, как белые люди, по записи, откуда очередь-то? Сидим, сидим, как эти.

А тут еще этот Андроид. Сидит и пялится.

Иван

Хохлома, учеба и красота

А тут еще эта матрешка.

На самом деле я ничего не имею против народных промыслов. Я понимаю, что многим нравится вся эта пресловутая хохлома. Гжель. Мезенская роспись. Жостовские подносы. Что там еще бывает, надо погуглить. Но меня не на шутку раздражают подобные вещи на человеческом лице. Неважно, на женском или на мужском. Мне кажется, несколько странно наносить краску на лицо, когда за окном уже двадцать первый век.

А у нее, извините меня, пожалуйста, неестественно румяные щеки, неестественно красные губы и неестественно черные ресницы. И брови, конечно же, нарисованные. Я, конечно, понимаю, что это в наше время модно — рисовать себе брови. Я допускаю, что многие считают целесообразным следовать моде. И тем не менее не могу прогнать от себя мысль о том, что это несколько глупо.

Я специально читал о моде. Я знаю, что женщины долгое время носили корсеты, чтобы все думали, что у них на самом деле тонкая талия. А потом корсеты отменили, и женщины стали делать очень низкие вырезы на платьях, чтобы всем показать, какая у них грудь. И еще мочили нижние юбки, чтобы все видели, какие у них ноги. Мне это кажется таким же глупым, как носить совсем короткие юбки зимой. Или надевать брюки слишком короткие, не прикрывающие

щиколотки, даже если на улице мороз. Только потому, что этого требует абстрактная мода. Я убежден, что одежда должна быть в первую очередь удобной.

Но неразумно подобранная одежда меня все-таки не настолько раздражает, как краска на лицах.

А у нее было раскрашенное лицо. И я стал на нее смотреть. Мама говорила мне, и даже не один раз, что если молодой человек пристально смотрит на девушку, то ей может показаться, что она ему нравится. Я убежден, что подобный взгляд на вещи принижает значимость женского интеллекта. Мой личный опыт подсказывает мне, что женщины учатся в школе не хуже, чем мужчины, а иногда даже лучше некоторых мужчин. А значит, они умеют думать и соображать. То есть, как следствие этого, могут сообразить, что если кто-то на них смотрит, то ему, возможно, что-то в них, наоборот, не нравится.

Я смотрел на нее, потому что она мне как раз не нравилась. Потому что расписывать себя под хохлому — это неестественно, а красота у меня ассоциируется с естественностью.

И я захотел ей это сказать, но сдержался.

Психолог, к которому я хожу, утверждает, что очень важно уметь сдерживать свои порывы, потому что их проявление может кого-нибудь обидеть, а у меня нет оснований сомневаться в его компетентности. Поэтому я не пошел к ней и не стал ничего говорить.

Мне вообще девушки не нравятся.

То есть те девушки, с которыми я знаком, мне не нравятся.

Я не столь со многими девушками знаком. Я же получаю образование при помощи надомного обучения. Точнее, это только так называется официально — надомное обучение. А на самом деле это всего лишь термин, потому что в реальности я хожу в школу, но при этом занимаюсь с учителем с глазу на глаз. С каждым из учителей. И не сижу в классе со всеми, потому что, когда я сижу в классе, мне тяжело сосредоточиться на изучаемом предмете. Я трачу слишком много сил на каждого из обучающихся, на то, чтобы привыкнуть к каждому, и на учебу сил у меня уже не остается.

У меня уже был печальный опыт обучения в школе на общих основаниях, то есть в классе с большим количеством других обучающихся. Свой первый класс я помню не очень хорошо, но я слышал, как мама кому-то рассказывала, что поначалу она приводила меня домой из школы и ей казалось, что я маленький трупик. Это образное выражение. Разумеется, я не был трупиком, просто мама считала, что я проявляю очень мало чувств и этим похож на неживого.

Образные выражения нужны для того, чтобы разнообразить речь.

В первом классе я сменил три школы. Я это помню, но не хорошо.

Помню, что во втором классе я влюбился. Или мне так казалось. Это уже была частная школа, и там было мало детей, и среди этих детей была девочка Карина, с которой я дружил.

Мы писали там не в тетрадях, а в альбомах, потому что это была не совсем обычная школа. И я весь альбом изрисовал сердечками и надписями «Карина». И даже написал на

обложке: «Не открывать никому, кроме Карины и Ольги Анатольевны». Ольгой Анатольевной звали нашу учительницу.

Я помню, что в третьем классе Карина куда-то уехала и в связи с этим исчезла из нашего класса. Я помню, что мама говорила кому-то: в классе было две девочки, красивая и веселая, и Ивану нравилась веселая. Я не знаю, что красивого было в девочке по имени Соня. Я почти не помню лица Карины. И мне от этого иногда грустно.

Но я хорошо помню, что Карина не красила свое лицо.

Я хорошо помню, как переехали мы сами, и как поселились в этом маленьком городе на самой его окраине, сменив маленькую квартиру на большую, и как я пошел в обычную школу. Как много там было людей и как они шумели на уроках. Как учительница носила на своей голове волосы, выкрашенные в три разных цвета, хотя была старой. Как она задавала мне вопрос, потом, не дожидаясь ответа, уже следующий, потом еще один, и еще, и махала на меня рукой, и задавала вопрос уже другому учащемуся, а я все стоял и думал, как ответить на все ее вопросы. И потом отвечал, но это было уже не нужно.

Я помню, как мама перевела меня на это надомное обучение. Уже в другой школе. И мне сразу стало проще учиться, потому что я не отвлекался на других учащихся, от которых очень много шума.

Я помню, как две незнакомые мне девочки стали ходить за мной по школьным коридорам и смеяться. Во время перемен, когда я переходил от одной учительницы к другой. Они смеялись и показывали на меня пальцами, чтобы

я догадался, что смеются они именно надо мной. И я один раз спросил, что именно их во мне смешит, но они не ответили. И я стал говорить с мамой. Я сказал ей, что, когда стану совсем взрослым, буду жить один. И мама сказала — ну что же. И еще спросила — а нас с папой в гости пригласишь? И я ответил — почему нет. И повторил, что буду жить один. И мама сказала: в смысле — не женишься? И я сказал — да, не женюсь.

Я не знаю, почему я так сказал. Известно же, что не все женщины одинаковые.

Но почти все они с определенного возраста стараются красить свои лица, чтобы казаться более красивыми, а это обман.

И эта матрешка тоже красит, и мне почему-то это важно.

Я видел ее в школе. Она была немного более толстая, чем большинство девочек, но не самая толстая. Вообще мне нравилось, что она не очень тонкая. Это ее украшало. Но у нее было слишком яркое лицо, и это мне было неприятно. И я понимал, что она не обязана быть мне приятной. Но все равно меня раздражало ее яркое лицо.

А теперь я встретил ее здесь.

Сюда, в поликлинику, мы с мамой пришли, чтобы получить какую-то важную справку для ОГЭ. Мама не хотела ее получать. Но ее заставила та дама, которая служит заведующей учебной частью, это называется сокращенно завуч. Завуч сказала, что поскольку я ребенок с особенностями развития, то школе очень нужна такая справка. Чтобы я сдавал не все экзамены и чтобы мне дали на экзаменах дополнительное время.

Мне не нужно дополнительное время. Я письменные работы всегда сдаю раньше времени, и учителя удивляются, что там все правильно. Я быстро и хорошо работаю, если меня не отвлекать. И я бы сдал все экзамены без проблем.

Но завуч сказала, что я ребенок с особенностями развития.

Я считаю, что у всех есть особенности развития. Ведь в каждом классе есть высокие и низкие, и одни растут быстрее, а другие медленнее. И одни учатся хорошо, а другие плохо. И одним больше нравится биология, и они учат биологию, а другим — русский язык, и они забывают про биологию. Но их не заставляют ходить в поликлинику по всем врачам. А меня заставляют. Я сказал это маме. И мама сказала, что я прав, но что мы все равно получим эту справку, раз им так нужно, пусто только останут.

И я подумал, что лучше сделать, как говорит мама.

И вот мы сидим в коридоре поликлиники. И это очень странно, потому что мы заранее записались на прием в электронной регистратуре и нас должны принять вовремя. Но к нашему кабинету очередь, и поэтому я сижу на жестком стуле и смотрю на эту матрешку, расписавшую себя под хохлому.

И матрешка сидит со своей мамой и вообще не смотрит на меня, и это, наверное, хорошо.

А потом приходит одна из тех, которые надо мной смеялись.

Смехотунчики,
овцебык и Поэтус

Дарья

А она мне говорит — че ржешь. «Че ржешь, че ржешь». А че я могу сделать? Ну смехотунчики на меня нападают, когда я на него смотрю, на Андроида. Ну ржачный он. Ходит, как в гипс его завернули. Руки-ноги палками торчат. Смотрит как торчок. Если говорить начнет — прям пипец, обтребухаться и не жить, как будто учебник вслух читает. Дроздофил какой-то.

Елтыть, таких вообще надо за решетку, а его к нормальным пускают.

Эх, Синькиной нету, вместе бы поржали. И пофиг, что тут его мамаша. Мамаша у него тоже шизанутая. «Юные леди, чего вы хотите от моего сына?» Без трусов побегать. Детей, елтыть, хотим. Таких же обдолбаев.

Я как его увидела, так и ржанула, не удержалась. Сидит такой, как конь на скамейке. Ыгыгы ходячее. Фу-ты, нет, сидячее.

И тут эта вылезла, Калинка-малинка. Че, говорит, ржешь.

И не ответить ей нормально — мамаша Андроида тут же сидит, и у Калинки папаша сидит, врачихи ходят, сестра на посту дубинит, делать ей нефиг, на меня уставилась. Ну ладно, хорошо. Ну, я мимо прошла. Все равно тут на скамейках места нет, а я че, лысая, стоять тут.

Села. Сижу и думаю — а кто из них куда? Андроид — ну этого к любому доктору можно, этого лечить — не перелечить.

А Руслана наша Людмиловна, у нее-то чего заболело? В школе всегда здоровее всех, вообще не пропускает.

Да, в общем, мне пофиг.

Лол, я в первом классе, в сентябре еще, хотела с ней законектиться. Так хотела. Вот с ней. Чего-то долбануло меня тогда. Сидит такая на задней парте. Как царица. Разодетая вся. Я ходила вокруг нее, ходила. На перемене подсела, сижу, рот раскрыть не могу. А я вообще-то не из таких, чтобы помалкивать, а тут чего-то меня переклинило.

Потом говорю — как, говорю, тебя зовут.

И эта ласково так: Руся, говорит, а тебя — знаю, тебя — Дарья.

Ведь запомнила, что Дарья, а не Даша. Я уже тогда никому не давала себя звать Дашей. Даша. Фу.

И мы иногда играли с ней потом на переменах. У нее в телефоне до фигища всяких игрушек было. Я всегда хотела играть в Соника, а ей нравилось понемножку то в одно, то в другое, и я не спорила.

А потом она пригласила меня к себе в гости. В воскресенье. Адрес объяснила, все такое.

Мне бы тогда еще про нее просечь, но я чего-то лопухнулась. Не, ну я такая прихожу, открывает ее мамаша и на меня вылупилась. А где, говорит, твоя мама. А где ей быть, говорю, дома с мелкими, а может, гулять их повела, кто ее знает.

Чего, думаю, ей моя мама сдалась.

Ну, дала мне тапочки, такие, в виде кроликов. Надевай, говорит. И тут выплывает эта Руся: Дарья, говорит, добрый день. Мама, это моя школьная подруга Дарья, я тебе о ней рассказывала.

Прямо как во дворце. Я чуть не удрала, но не удрала, застыла потому что. Потом отмокла, ноги в кроликов сунула, и эти две повели меня к этой Русе в комнату.

Ошизеть! Целая комната. И там — компьютер! Кресло с колесиками! Еще кресло, мягкое. Еще и табуретка. Кровать под потолком, с лесенкой и с горкой еще. Собачки какие-то меховые. Стол со всякими карандашами и фломастерами. И все для этой одной Руси.

Ну я, когда ее мамаша урулила, ничего, освоилась, и мы еще играли на компе, и потом кидались меховыми этими собачками, и на одной, самой большой, скакали по очереди, и было, в общем, суперски. Еще ее мамаша нам потом чай принесла, на подносе, с плюшками, велела не крошить, но мы все равно накрошили, и никто нас не ругал.

Мы еще после плюшек играли, но Русю позвали обедать. А я такая сижу, смотрю, ну ее мамаша — идем, говорит, Дарья, пообедаем. Ну мне чего, я пошла.

Кухня у них — как целая квартира. Хоть десять гостей зови. И мы сели там за стол, и мамаша тоже, и папаша прирулил Русин, и ели красный борщ, и еще что-то такое ели, я уж не помню, и пили чай, опять с плюшками. И я такая, как дура, еще говорю этой Русе: у вас, говорю, наверное, денег много. И мамаша ее с папашей на меня как уставятся, как на голую. А эта Руся мне: ну что ты, Дарья, у нас их вечно не хватает. И папаша ее такой еще хихикнул.

И мы ели, а я все думала — на что же они такое их траят-то, раз не хватает. Может, лечатся от чего, может, больные? Лекарства — они ж дорогие, думаю.

Чай выпили, ее мамаша такая — Русе, говорит, пора заниматься английским. И на меня такая косит.

Я думала, думала. Может, думаю, остаться, посмотреть, как она английским занимается. Потом думаю — да ну его в баню, не хочу. Я, говорю, домой пойду.

Переобуваюсь в прихожей, они смотрят, смотрят, а у меня, как назло, блин, кроссовка не застегивается, липучка не прилепляется. Только прилепила, Русин этот папаша — а мы, говорит, давай-ка тебя проводим.

Ну, мне чего. Провожайте.

Дошли до моего дома. Мы с Русей еще впереди шли, болтали, а папаша сзади, как конвой. И в подъезд потом оба со мной пошли, и в квартиру зашли. Я еще думаю — вот хорошо, мать полы намыла, чистенько, и еще лепешки жарит, вообще суперски, с кухни так и пахнет, и дымок такой синенький под потолком от этой жарки, и хоть я и поела в гостях, а прямо хочется этих лепешек. Мелкие прибежали, уже с лепешками оба, веселые, и не дерутся. А эти два стоят как два столба, не заходят, и эта Руся еще улыбается и говорит: здесь, говорит, не прибрано, но очень мило.

И ушли как-то сразу, даже мать не повидали. А мне было жалко, что не повидали. Я уже по дороге придумала, как мать такая выйдет, а я ей такая: «Мама, добрый день, это моя школьная подруга Руся». А мать бы так и села бы на пол!

И только ночью, когда уже все спать легли, у меня прям в голове все это забулькало. И «не прибрано, но мило». И как они не заходили и стояли. И «у нас денег не хватает». И как ее обедать одну сначала позвали. И это — типа, пошла-ка ты уже

в пень, девочка, сидит тут и сидит, а у Русечки вон английский, хотя на самом деле нету никакого английского, если б был, они с папашей провозать бы меня не пошли. И Русечкина комната с компом и креслами, и кровать с горкой. И «где твоя мама, девочка». Типа, нормальных девочек везде мамочки водят за ручечку, а ты одна шлындраешь, как никому не нужная, и похрен, что у мамы у твоей еще двое мелких.

Аж дышать стало трудно.

Короче, я когда утром в школу прирулила, в класс вошла, я уже не к ней сразу, к этой Русе, как всегда, а за свою парту. Говорю чего-то соседке, ну, Синькиной, ржу чего-то. А когда эта Руся сама подошла, заговорила, я ей просто не ответила, и все. Зыркнула по ней, как по пустому месту, и все.

И у нее такие глаза стали, как если бы я ей врезала. Стоит и смотрит. Потом ушла.

И я еще смеялась, когда Синькина сказала — не, говорит, ну ты видала, вылитый овцебык.

И я еще жалела сначала иногда, что мы с Синькиной стали над ней смеяться. Но потом над ней еще и другие ржали, не хуже нас, и совсем уж стало ясно, что она чмошная и только перед учителями выделяется. И все равно до сих пор бывает — посмотришь на нее, и так противно и жалко вместе. Жалко, и от этого еще противнее, вот в животе где-то, сверху.

Да ну ладно, не все же над ней ржут. Дружит же она с кем-то. С такими же чмошными.

Вот Андроид — вот кого не жалко. Над этим хоть оборжись, ему все равно по барабанищу. Он как робот, он вообще не

соображает и не чувствует ничего. У него и лицо всегда одинаковое.

Ну и вот. Ну и я сижу и думаю — а чего это наша Калинка-малинка за него заступается-то? «Че ржешь». Может, за пала? Ахах, даже для нее зашкварно.

Еще сижу и думаю — ни хрена себе очередина к нашему участковому. Сейчас же, типа, все по записи, сто лет уж никто никого не ждет, в коридоре не толпится, не орет ни на кого, не ломится «мне только спросить». А тут поди ж ты. Это когда ж я свой гребаный больничный закрою? За полночь? Мне ж полы еще мыть.

И тут — цирк уехал, клоуны остались — для полного комплекта уродов еще и Поэтус нарисовывается.

